

[00:00:00] [Начало записи]

Маринэ Восканян: Итак, давайте, будем начинать. Сегодня у нас здесь состоится круглый стол, который называется «Новые геополитические тренды и имидж России в мире». Я сейчас представлю наших гостей по порядку. Начну с тех, кто рядом со мной сидит.

Керстин Кайзер, она руководителю бюро Фонда Розы Люксембург в Москве, очень приятно.

Рядом с ней сидит доктор Лутц Брангш, он старший научный сотрудник Института критического социального анализа Фонда Розы Люксембург, и ранее член правления Фонда Розы Люксембург из Германии.

Далее у нас сидит политолог Константин Черемных.

Далее Борис Кагарлицкий, директор Института глобализации и социальных движений.

Далее Джонатан Тенненбаум, политолог, экономист. Он у нас одновременно представляет, можно сказать, и Германию, и США.

Дальше сидит господин Иван Бло, французский политолог, доктор экономики, бывший депутат французского и Европейского парламентов, член Французской католической академии.

И самый последний я представляю, это у нас господин Хауке Ритц, немецкий философ и публицист.

И я модератор Маринэ Восканян, член оргкомитета Московского экономического форума и координатор МЭФ по международной работе.

И сейчас я хотела бы немножко сказать о нашей теме. Мы уже на прошлом Московском экономическом форуме начали обсуждать такую тему, как имидж России в мире и то, как современные геополитические процессы влияют на восприятие России в мире. И сегодня мы хотели бы поговорить о такой, может быть, немножко необычной теме. За нашим столом сидят люди, представляющие очень разные стороны политического или идеологического спектра. Здесь есть представители консервативной идеологии, есть представители левой идеологии.

И я хотела бы, чтобы мы сегодня обсудили, что происходит на всех флангах такого идеологического спектра, как то, что сегодня происходит в геополитике, меняет эти идеологические координаты, потому что на самом деле мы понимаем, что они меняются в чем-то и у консерваторов, и у левых. И в этих дискуссиях, какую роль сегодня играет фактор России. Мы знаем, что он играет роль, потому что Россию обсуждают просто без перерыва и в дискуссиях консервативной повестки новой мировой, и левой повестки.

И я хотела бы понять после нашей сегодняшней дискуссии, почему Россия играет такую роль сегодня, и чтобы те представители движений наших и каких-то идеологических, философских направлений сказали, как они понимают то, что сегодня происходит в мире с точки зрения формирования каких-то новых, я бы сказала, идеологических координат. Потому что у меня есть ощущение, что старые координаты работать перестают. По крайней мере, то, что раньше позволяла традиционно позиционироваться людям,

относительно политических партий, или каких-то идеологий, сегодня все перемешалось. То есть мы смотрим на программы разных партий и движений, и понимаем, что хотя названия остались те же, но, по сути, мы наблюдаем уже что-то совершенно другое. Хочется разобраться, что это такое.

Первый вопрос, который хотелось бы обсудить, это как кризис, господствующий в мире неолиберальной идеологии, отражается на ее конкурентах. То есть как на консервативных идеологиях, так и на левых проектах. Давайте, может быть, начнем. Было бы интересно услышать мнение, у меня как раз здесь сидят два представителя Фонда Розы Люксембург. Не могли бы вы рассказать, господин Брангш, как вы видите, что сегодня происходит с левым движением, и как кризис неолиберализма отражается на левом движении, дает ли он ему новые шансы, или увлекает вместе с собой в какой-то тоже кризис. Что вы думаете?

[00:05:06]

Лутц Брангш: Это, конечно, очень сложный вопрос, поскольку с одной стороны, действительно, развитие последних, можно сказать, 30 лет, связано с падением значения левых движений и профсоюзного движения. Я думаю, что это надо рассматривать вместе в Германии. И это, с одной стороны, основывается на изменении аппарата производства, аппарата воспроизводства. Значит, те элементы в обществе, которые были корнями левого движения, они, в конечном счете, исчезали. Значит, что фабрика в Германии в этом смысле, как массовый элемент социальной реальности не существует. И изменились, конечно, люди, которые сейчас не такие рабочие, как они были в XX веке.

И проблема в том, что этот переход был недооцениваемым профсоюзами, это первое. Но левыми партиями тоже, если мы включаем социал-демократы в этом. И таким образом можно сказать, что, действительно, проблема в том, что мы должны найти новые формы организации, которые соответствуют новым условиям. Это одна сторона проблемы. Другая сторона в том, что неолиберальное развитие тоже не дал тех результатов, которые были ожидаемы неолибералами. Нестабильность общества стала нормой. И, конечно, совпадение этих процессов, значит, утрата политической родины рабочих и наемных работников, с одной стороны. Ожидания, которые были связаны с либеральным поворотом, не были реализованы. Это такое противоречие, которое сейчас обуславливает изменения политического пространства в Германии.

С одной стороны, конечно, стабильно левая сторона избирателей, электората (8-10%), это люди, которые решают для левой партии. Но с другой стороны, действительно, часть электората, который думает, что все равно это не помогает быть на стороне левых, необходимо более стремиться к правому флангу политического спектра. Это почти уже все, что можно сказать по этому вопросу. Значит, что на вопрос невозможно ответить ясно, потому что все в процессе. Много зависит от того, в какой мере левые организации, профсоюзы и так далее, в состоянии создать новые формы организации, которые доступны для массы людей.

[00:10:14]

Маринэ Восканян: Спасибо. Я хотела бы попросить Керстин Кайзер что-то еще добавить к тому, что сказал господин Брангш. Вы, Керстин, как думаете, люди сейчас, когда выбирают, как-то самоопределяются в этих идеологических координатах. Что стало для них сейчас самым важным в этом кризисе, в котором все находятся?

Керстин Кайзер: Уже везде? Во всем мире или?..

Маринэ Восканян: Мы, конечно, понимаем, что вы лучше знаете ситуацию в Германии, в Европе, поэтому, конечно, нам интересен ваш взгляд, наверно, что в Европе вы видите.

Керстин Кайзер: Я тут ориентируюсь немножко сейчас в дискуссии, поскольку тема у нас была немножко другая. И, может быть, это связано друг с другом. Мне кажется, что неолиберализм победил. Он победил во всем свете, и он, кажется, единственный порядок, который существует, и как будто у нас нет исторического опыта, нет научных анализов. Мы думаем, что это так и что выхода из этого нет. Люди в такой ситуации, это мой взгляд на политику, мой взгляд на мир, в первую очередь направлен на ситуацию населения.

То есть когда мы говорим о мире, о России, о Германии, я смотрю на политику правительств, которая определяется определенными интересами. Но меня интересует положение людей. И оно не очень отличается в России от того, что в Германии. Как раз все то, что Лутц сказал, неопределенность. В первую очередь, что касается молодого поколения. Это страшно. Неопределенность будущего, незнание о завтрашнем дне. Даже люди до тридцати лет в Германии могут не работать, они занимаются чем угодно, но они не зарабатывают настоящие деньги.

Таким образом, получается такая смесь, что люди ищут, как говорят, козла отпущения. И дело в том, что эти социальные вопросы, которые существуют, они острые, они острее еще в России, как многонациональные государства, которые решают свои проблемы. В этом отношении у вас большой опыт, как у многонационального государства. Как будто все интересы сейчас лежат в какой-то искаженной форме безопасности, которые люди видят в своем регионе, в своем государстве уже в национальном государстве. И обращаются с социальными требованиями на правую сторону. И как раз левая, хотя она существует в интернациональном масштабе, но у нас нет работающей международной сети, как сейчас у националистов. Оказывается, работает какой-то националистический интернационал.

Маринэ Восканян: А вы знаете, они считают, что нет. Что у левых только работает.

Керстин Кайзер: Нет, это не так. Если я смотрю на левую фракцию в Европарламенте, то я вижу, что товарищи из Испании спорит с товарищами из Франции, и с товарищами из Германии о том, как касается закон не всех работающих людей в Европе, а как касается этот закон как раз Испанию, Германию и Францию. Это просто, конечно, отражение, это штамп. Да, уже штамп этого неолиберализма на нас всех. Мы не можем жить в обществе и быть свободными от него. Это уже точно. Мне очень жаль, что политика Европа и политика, как вы говорите, Запада, и как мы говорим, Запада, довела до того, что они нашли для себя в роли козла отпущения Россию.

[00:15:00]

То есть у нас сейчас такая ситуация, что в связи с развитием Евросоюза, НАТО, у нас, да, стали острые противоречия уже политические стали ближе к границе России. В связи с кризисом на Украине, я помню, какая у нас была ситуация в 2014 году. Вдруг немцы не приехали на последнее мероприятие МЭФ из-за кризиса в Украине. То есть перестали вести диалог, и это очень плохо. Мне кажется, что диалог, конечно, нужен, но в этом диалоге нужно смотреть как раз на четкие интересы, кто чего хочет, кто к чему стремится.

И я хочу сказать одно, что касается левых, по крайней мере, в Германии. Для нас сейчас очень большая точка, что, видимо, представители официальной политики, как президент парламента, ведут переговоры с националистами из Германии. То есть с представителями, так называемой альтернативной Германии. Они ведут переговоры тоже с Марин Ле Пен. И я понимаю, что это в интересах России. А получается такой парадокс, что таким образом в демократической среде Германии это служит дополнительным поводом отрицать, критиковать Россию и политику государства, потому что они ведут диалог как раз с националистами.

Маринэ Восканян: Но, вы знаете, демократия подразумевает, что все могут диалог, в общем-то, со всеми. Я тогда хотела бы дать слово господину Бло, который у нас как раз представляет консервативные силы. И я хотела бы вас спросить, господин Бло, у меня была счастливая возможность вчера на одном мероприятии слышать ваш доклад, когда вы говорили о то, в каком кризисе вообще сейчас находится европейская культура, европейской общество. Вы тоже говорили очень критично о неолиберализме.

С вашей точки зрения надо ли в данном случае отличать борьбу против неолиберализма, консервативные ценности и, понятно, что есть то, что считается каким-то совсем правым экстремизмом. Я лично считаю, что консервативная позиция – это просто одна из вполне нормальных позиций, которые, у нас есть разные, – консервативные, левые, либеральные. Левые коллеги считают, что у консерваторов сегодня лучше есть какой-то консолидации ответ неолиберализму. Я, например, так не считаю. На самом деле, неолиберализму никто сегодня эффективно не противостоит, на мой взгляд, по-настоящему. Все-таки ваша оценка какова? Насколько сегодня консерваторы готовы бороться с неолиберализмом, и вообще у них есть шанс что-то ему противопоставить.

Иван Бло: Если позволите, я бы хотел ответить вам с небольшого рассказа. Когда я был кандидатом в правящую партию в местное законодательство в небольшом городке Кале, я как-то зашел в летнее кафе. И официант засмеялся, увидев меня, и сказал: «О, господин Бло, у вас здесь нет электората, потому что наше кафе – это приют коммунистической партии вот уже 30 лет». Я сказал: «Ой, а я не знал. Можно ли выпить здесь пива?» – «Да, конечно, вы можете», – ответил он. Потом я сказал: «А можно ли раздавать листовки вашим клиентам?» И он сказал: «Спросите у них».

Я увидел, что в кафе сидят где-то 30 посетителей. Все мужчины среднего возраста, очевидно, представители рабочего класса. И мы раздали там наши листовки. Стояла тишина. Я думал, что нас вышвырнут из этого кафе, но так не случилось. Я сказал: «Я пришел сюда выпить с вами пива, и это повод обменяться информацией, поэтому,

скажите, пожалуйста, что вы думаете об образовании во Франции». И коммунисты, и рабочие сказали мне: «Это полный беспорядок, это невероятный беспорядок, который царит в нашей системе образования. Она работает плохо и мы это неприемлем, и ее надо полностью реформировать».

[00:20:17]

Я сказал: «Этот беспорядок, он же не проистекает от левых, нет. Это не из-за левых. Это из-за социалистического правления». – «Мы, коммунисты, выступаем за порядок». Я сказал: «Да, действительно, я понимаю, что вы за порядок. Второй вопрос. Давайте поговорим о преступности, что вы о ней думаете?» Рабочие сказали: «Мы за то, чтобы во Франции снова ввели смертную казнь». Я сказал: «Но это же не программа коммунистической партии». – «Нет, это наша программа». – «А почему же коммунистическая партия не защищает вашу личную программу?» – «Потому что они предают нас там, в Париже. Они уже не защищают интересы рабочего класса там, в Париже».

Очень интересно, – подумал я. Третий вопрос, последний мой вопрос к ним был такой: «Что вы думаете об иммиграции». И они сказали мне: «Мигранты? Мы не хотим видеть их в нашем городке, это просто невозможно». Я сказал: «Но коммунистическая партия же не выступает за это». – «Нет. На государственном уровне – нет. Но тут, на локальном уровне мы вообще не хотим видеть мигрантов». И я сказал: «Это же очень интересно! В некоторых вопросах вы не очень отличаетесь от меня и, скорее всего, вы за меня проголосуете. И ответили они мне так: «Это невозможно, господин Бло, потому что вы представляете буржуазию. Вы представляете работодателей. А мы – рабочие, мы будем голосовать за партию рабочего класса».

Я сказал: «Нет, я не представляю буржуазию. Я представляю правое крыло, как голлист». И они сказала: «Да, вы правы в своей аргументации, но получается, ваша позиция не согласована с вашим руководством, и что вы будете делать в день выборов?» Ответ был такой. Половина сидящих этих клиентов в кафе сказали: «Я вообще не буду участвовать в выборах, я вообще не буду голосовать. Я выйду из этого кафе, пойду и скажу своим товарищам». Видите, у нас ополовинилось количество голосующих. Такая простая математика.

Почему я вам рассказываю эту историю, уважаемые коллеги? Потому что годы спустя город Кале уже не был столь коммунистическим, и я уверен, что все эти рабочие сегодня голосуют за «Национальный фронт». Они не голосуют за мою партию, они говорят, что она слишком буржуазная. Но во Франции уже нет такой значимой коммунистической партии, поэтому они голосуют за «Национальный фронт». И это разделение на левых и правых, которые было очень четким в прошлом, оно уже не такое четкое, как вы справедливо отметили.

Я бы сказал, что во Франции у нас сегодня сформировался новый кластер людей, которые пожидают блага глобализации, и людей, которые страдают от нее. Страдают от нее особенно по трем вопросам, – иммиграция, потому что для них иммиграция означает безопасность в культурном плане. Второе, это безопасность в физическом смысле слова.

Рост преступности, сегодня преступность на пике, в год 4 млн преступлений совершается во Франции. Двадцать лет назад был всего 1 млн преступлений в год. И, конечно же, безработица, которая особенно затрагивает молодежь. Четверть молодежи во Франции сегодня безработна, и опросы общественного мнения показывают, что 30-40% безработных сегодня не голосуют за левых. Они голосуют за «Национальный фронт».

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, при которой «Национальный фронт» популярен в среде рабочих, среди, скажем так, трудового народа. Тогда как левых, которых, в основном, представляют социалисты, эти самые социалисты одновременно представляют фактически истеблишмент.

[00:25:02]

И как их еще называют «бобо» или «bourgeois bohèmes», то есть представители буржуазии и богемы, или «буржуазная богема», если угодно. И таким образом, как голлист, я находился на перепутье. Я покинул голлистскую партию. Но в настоящее время я не занимаюсь политикой и у меня есть друзья среди правых, республиканцев, среди левых. Но для меня «Национальный фронт» совершенно не националистичен.

Маринэ Восканян: Я хотела бы предоставить слово Борису Кагарлицкому, который является российским экспертом. У нас в России тоже, в общем-то, свой взгляд на систему координат политических. И мы все знаем, что в России само по себе даже восприятие, что такое левое, а что такое консервативное, оно какое-то свое, особенное. Даже на Московском экономическом форуме, мне кажется, это особенно заметно, поскольку представители тех сил, которые себя считают консервативными, обсуждают какую-то общую повестку с теми, кто формально является левыми. Например, это Коммунистическая партия России и так далее. Я хотела бы спросить вас, Борис. А с вашей точки зрения, что это такое происходит?

Борис Кагарлицкий: Вообще-то, в русском языке есть очень хорошее слово, называется «путаница». Все перепуталось, все смешалось, и все неправильно. Но, наверно, не случайно ведь, это не то, что люди запутались. Наверно, сама ситуация изменилась и создала эту путаницу. Сначала несколько слов про западных левых все-таки позволю себе. И, кстати, забегаю вперед, замечу, что, как ни странно, у нас в России часто бывает то, что называется, преимущество опоздавшего, то есть когда опоздал к какому-то событию, то можешь разобраться в нем лучше, и можешь не повторить некоторых ошибок, которые уже сделали другие.

Поэтому я считаю, что, как ни странно, на сегодняшний день слабость российских левых является их величайшим счастьем в силу того, что создает это самое преимущество опоздавшего, то есть можно не попасть в некоторые ловушки. О чем я говорю? Прежде всего, о том, что на самом деле, по крайней мере, начиная с 1968 года, кстати говоря, начиная с Франции, в Западной Европе, и позднее немножко в другой форме в США, происходит фактическое расставание левых с их классовой базой. Я абсолютно согласен с определением *bourgeois bohèmes*. Богемные буржуа, да, это та среда, которая очень хорошо заместила рабочий класс в качестве основной опоры институционализированных левых организаций.

При этом некоторое время была уверенность, что рабочие-то никуда не денутся. История господином Иваном Бло рассказанная очень типична, поскольку в основе истории было представление лидеров коммунистической партии в Париже, что бы они ни делали, но в провинции у рабочих просто не будет другого выхода, кроме как голосовать за них. Но это, вообще, похоже на крепостное право. Не удивительно, что рано или поздно произошел бунт.

На самом деле, бунт против неолиберализма одновременно является и бунтом социальных низов против левых либеральных элит. Против той части левых, которые интегрировались в неолиберализм и стали его, подчеркиваю, важнейшей институциональной необходимой частью. И это то, чего левые очень не любят признавать. Что левые не просто, так или иначе, адаптировались к неолиберализму, потому что, живя в обществе, я тут полностью согласен, нельзя быть свободным от общества.

Но беда в том, что значительная часть левых элит институционально стала частью системы и стала одним из элементов функционирования этой системы. Потому что ключевой момент неолиберализма, ключевой идеологический момент неолиберализма, – это фрагментация общества. Фрагментация общества, которая несводима к рынку.

[00:30:02]

То есть левая критика неолиберализма – это всегда критика рынка. Критика приватизации, критика частного интереса, который пожирает общественные интересы. И это совершенно правильно. Но есть другая сторона неолиберализма – это фрагментация. И в этом смысле левая идеология в том виде, как она была импортирована в значительной мере после 1968 года из США, она великолепно работает именно на фрагментацию, – разбить общество на *specific anges groups* – специальные группы, каждая из которых отдельно, и в лучшем случае, солидарность видится как некий договор, некая коалиция. Не как единое движение, а как некое соглашение.

Обратите внимание даже на то, как изменилась лексика. Поразительно, что лексика политкорректности, она супер буржуазна. Когда, например, заметим, как семейные отношения описываются, не в категориях муж-жена, и не в категориях даже возлюбленные, а в категории партнеров. Партнеры, – *my partner*, – мой партнер. То есть это чисто деловое буржуазное определение, которое, кстати, убирает эмоциональное содержание.

Иными словами, то, что, с одной стороны, мы видели наступление таких вот леволиберальных идей в культуре. А с другой стороны, наступление приватизации и неолиберализма в экономике. Это не противостоящие друг другу тренды, как может показаться на первый взгляд, а две стороны одного и того же тренда. То есть левые обеспечивали культурную сторону неолиберализма, а правые обеспечивали то, что серьезно работает экономика.

Я думаю, что сейчас предстоит возникнуть новому левому движению. Но оно возникнет, скорее всего, из популистского протеста, который на данный момент не будет себя маркировать ни как левый, ни как правый. Он будет себя маркировать как борьба за

социальные интересы и за определенные социальные ценности. И эти ценности в определенных случаях могут быть маркированы, как консервативные. Но при этом я, честно говоря, отнюдь не являюсь сторонником консервативных ценностей, как таковых, поскольку, на мой взгляд, просто надо смотреть в будущее, а не в прошлое.

И самое последнее, буквально два слова о России. Потому что Россия тоже стала маркером. Злая Россия – это такой маркер всех сторонников неолиберализма сейчас в Западной Европе.

Маринэ Восканян: Про Россию, Борис, у нас будет отдельный раунд.

Борис Кагарлицкий: Хорошо. Об этом я скажу тогда потом. Просто хочу сказать: если левые хотят сыграть свою роль в условиях кризиса неолиберализма, им нужно себя переосмыслить. Но это отнюдь не значит, что они должны стать консерваторами в традиционном понимании. Спасибо.

Маринэ Восканян: Большое спасибо. Борис, мне кажется, что вы, уже подводя итог каких-то нескольких выступлений, высказали, действительно, очень важную ключевую вещь. Действительно, тот неолиберализм, который мы видим, к сожалению, ему удалось вобрать в себя на каком-то этапе, действительно, ценности, которые тогда были маркированы, как левые. Но то, что он с ними потом сделал, мы видим, к чему это привело. А поскольку они в сознании людей по-прежнему ассоциировались с чем-то левым, то, в общем, произошла определенная дискредитация. И это очень плохо на самом деле для левого движения, конечно.

Сейчас я хотела бы дать слово Джонатану Тенненбауму, который, мне кажется, может рассказать, как именно эти процессы повлияли на то, что происходило в Соединенных Штатах не так давно во время совершенно феноменальной и, наверно, уникальной во всей истории Соединенных Штатов, выборной кампании. Мне кажется, что она как раз очень хорошо иллюстрировала именно то, про что мы здесь сейчас говорим.

Я хочу сказать еще отдельно, что господин Тенненбаум может нам немножко больше рассказать про феномен Берни Сандерса. В России, в основном, говорят все про Трампа. Все радовались, что Трамп победил, что на него возлагали такие надежды. Я лично считаю совершенно позорным тот факт, что наша Госдума аплодировала, когда в Америке избрали какого-то определенного президента. Но это, вы знаете, это очень странно, что страна так сильно зависит, кого выбрали в другой стране.

Тем не менее, очень мало анализируется феномен Берни Сандерса. А на самом деле, именно в этом феномене как бы отразилось то, о чем сейчас как раз говорил, мне кажется, Борис и остальные коллеги. Пожалуйста, Джонатан.

Джонатан Тенненбаум: Спасибо. К сожалению, мой друг Уэсли Ровен не смог присутствовать здесь с нами. Он активист движения «Берни Сандерс». И мы неоднократно обсуждали эту ситуацию в США и в движении «Сандерс».

[00:35:20]

Что ж, у нас, действительно, очень необычная ситуация сложилась в Соединенных Штатах. Фактически, речь идет о восстании против истеблишмента с обеих сторон, с обоих концов политического спектра. И между феноменом Трампа, и феноменом Сандерса есть определенное сходство. Очевидно, мы говорим, в частности, об экономических процессах, которые лежат в основе этих процессов. Но в субъективном смысле.

Интересная мера экономики, – это в какой мере молодое поколение может надеяться на заработки большие, чем у предыдущего поколения. Это так называемая абсолютная мобильность. Поколение 1940 года имела возможность, где примерно 90-100% этого поколения, обратите внимание, зарабатывали больше, чем их родители. Для поколения 1980 года менее половины этого поколения могут рассчитывать на заработки, превышающие заработки их родителей. И это важное обстоятельство.

Еще одна интересный показатель – это число самоубийство. Так, например, за последние 10 лет почти на 40% повысилось число самоубийц, лиц в возрасте от 40 до 60 лет. Один из важных избирательных лозунгов господина Сандерса состоял в предоставлении вспомоществования, то есть оплаты обучения в американских университетах. Как известно, общий долг студента по окончании американского университета может, в общем, по штатам, составлять более 1,3 трлн долларов, то есть больше общего долга по кредитным картам. Средняя стоимость года обучения в американском университете это почти 35 000 долларов, и многие студенты попросту не в состоянии покрывать оплату обучения. Есть люди в Штатах, которые вышли на пенсию и до сих пор расплачиваются за обучение в университете.

Еще одно обстоятельство, которое, возможно, более субъективное, но оно любопытно с точки зрения обоих концов политического спектра. Большинство американцев не верят истеблишменту и средствам массовой информации. То есть сегодня можно сказать, что в Соединенных Штатах репутация истеблишмента дискредитирована. И даже в Республиканской партии, или, скажем, среди тех, кто считали себя республиканцами, мы находим и видим в них отход от, например, внешнеполитической составляющей.

Мы также видим отход от классического предпринимательского духа. Но все чаще мы видим в Республиканской партии заботу и тревогу об экономическом будущем собственном, и об экономическом состоянии своих детей. Вы можете обратить внимание на то, что в средних, есть там средние, провинциальные города Соединенных Штатов во многом находятся в застое уже больше 10 лет. И экономическая ситуация, как мы ее видим, общее ощущение разочарования и желания возложить вину на кого-то за это состояние, мы наблюдаем такие настроения и особенности в американском обществе.

[00:39:58]

В частности, речь идет о росте антиглобализации. Господин Сандерс говорил также о необходимости повышения налогов на состоятельных американцев. Он говорил о необходимости, как я уже говорил, бесплатного высшего образования или, скажем так, вспомоществования студентам. И в целом, ощущение того, что сегодняшняя ситуация не может продолжаться, привнесло элемент радикализации в американские выборы, которые, кстати сказать, весьма отличаются на левом и правом флангах.

Но при этом на двух этих флангах наблюдаются определенные схожие черты. Великая ирония состоит в том, что господин Трамп даже в большей степени, чем левые, говорил о необходимости обеспечения рабочих мест, об ужасном состоянии провинциальных городов. И во многом подобная риторика близка социал-демократам. Но в избирательной кампании господина Трампа подобные лозунги, подобное кредо сыграло большую роль, что, в свою очередь, высвечивает блистательную неудачу левых в Соединенных Штатах, фактически продвигать повестку своей исторической социал-демократической или левой риторики.

Вопрос о трансформации на левом фланге политического спектра говорит нам о том, что левые сегодня – это часть истеблишмента. И это не случайно. Это отражает длительный исторический процесс, который связан, в том числе, и с культурными войнами эпохи «холодной войны». Вспомним об огромных инвестициях, которые были произведены Центральным разведывательным управлением, иными институтами в, скажем так, развенчивание левой идеи и противоборство коммунизму, что, безусловно, привело к определенному смещению.

Движение 1968 года, или политика идентичности, политика, скажем так, выделенной темы и раскол среди левых, конечно же, наложили и не могли не иметь долговременных политических последствий. В частности, мы говорим о сервисном секторе, о секторе услуг. И в целом, именно трансформация левых привела к сегодняшней политической ситуации. В этой связи, господина Сандерса я бы не стал называть классическим левым, классическим представителем. Я, скорее, назвал бы его разумным центристом, который говорит о необходимости...

Маринэ Восканян: Большое спасибо. Да, это очень интересно услышать, потому что, мне кажется, в этом году именно на примере американских выборов все видели ту ситуацию, когда на запросы того слоя людей, о котором вы говорите, которые чувствуют свою небезопасность, потерю работы, потерю доходов, что, в общем-то, за него шла борьба и в итоге парадоксальным образом почему-то они увидели, многие из них, как вы сказали, почему-то решили, что Республиканская партия в лице Трампа больше сможет им помочь, хотя это было совершенно не предсказуемо, что так может получиться.

Мы сейчас закончим раунд, который касается политических координат, и перейдем к раунду, который касается роли России, имиджа России на фоне того, что происходит. Хотела бы попросить коллег немножко подготовиться к этой теме. А сейчас я дам слово господину Ритцу. Хауке, вам слово. Тоже, может быть, вы выскажете ваше мнение о том, что происходит с системой идеологических координат и почему она пришла в такой дисбаланс, как вы думаете?

[00:45:05]

Хауке Ритц: Большое спасибо за возможность высказаться. Я бы хотел продолжить то, что завершил господин Тенненбаум, потому что вы затронули очень важный вопрос, который очень важен, и его надо обсуждать, не только среди консерваторов, но и среди левых. Это проблема искусственной отрицательности, как американский философ Нейм Пол назвал это явление. Назовем это культурной военной кампанией, вначале которой Запад терял

из-за слабой позиции по очень простой причине, – было очень много партий социал-демократов в Западной Европе. Были профсоюзы и, конечно же, можно было к ним апеллировать. Но не было капиталистических партий на Востоке. И не было профсоюзов капиталистического толка. Поэтому был такой дисбаланс, который привел к эре Макафи.

В 50-е годы прошлого века ЦРУ нашло способ бороться с этим, и это хорошо задокументировано у многих историков. Франц Ундерсонес написал книгу об этом феномене. Идея была в том, чтобы создать свой собственный левый фронт, который можно было бы интегрировать в капитализм. Поэтому ЦРУ попыталось через разные культурные организации оттеснить левых от вопроса принадлежности империализма, оттеснить в сторону борьбы с дискриминацией, загрязнением окружающей среды, критикой церкви, критикой не левых традиций, борьбы за свободу сексуальности и так далее.

Поэтому эти вопросы стали таким краеугольным камнем в архитектурной системе Западного мира. И в целом ряде вопросов я скажу, что левое крыло интегрировалось в процессы и создало полностью новый класс. Это привело к той ситуации, что сегодня люди левых взглядов, использующие словарный запас левых активистов, пришли к той ситуации, что готовы примкнуть к войне на Ближнем Востоке, оказать гуманитарную помощь и так далее. То есть некоторые левые примкнули к «Зеленой партии» в Германии, а некоторые к христианским демократам.

То есть они пропагандируют политику, которая была раньше повесткой консерваторов. И взяли на себя роль защиты общества и его просвещения. То есть что-то сместилось. И эта искусственная отрицательность была очень успешной и в качестве инструмента в ходе «холодной войны», но привела к некоторым побочным эффектам, которые заключаются в том, что искусственная отрицательность похожа на попытку излечить болезнь обезболивающими лекарствами. То есть вы гасите симптомы, но саму болезнь не лечите.

Поэтому искусственная отрицательность иногда может скорректировать какие-то вопросы, например, загрязнения окружающей среды, вопросы дискриминации. Однако оказывается бессильной в корректировке коренной причины развития событий. Следовательно, уже 20 лет в Западном мире такая ситуация, при которой этот самый Западный мир идет к отвлекающим маневрам. Деиндустриализация США, Южной Европы и так далее, являются яркими примерами того.

И нет таких настоящих левых, институционализированных левых, которые бы боролись как-то с этой саморазрушающей политикой, как-то противостояли ей. Каким-то образом отдавали себе отчет в том, что мы совершили на Ближнем Востоке, или брали бы на себя ответственность за процесс деиндустриализации.

[00:49:58]

И именно из-за этой искусственной отрицательности, которая постепенно заменила естественное отрицание процессов, Запад лишился механизма самокорректировки. И он, по сути, уже не работает в Западном мире. И таким образом, этот Западный мир оказался в состоянии политической агонии, и это очень опасная ситуация, потому что теряют

способность разумные люди вмешаться, изменить ход событий. Им становится все сложнее это сделать.

К сожалению, эти вопросы не вполне возможно обсуждать среди группы левых, потому что они иногда становятся частью истеблишмента. Иногда они распознают прекрасные карьерные возможности в политике идентичности, а зачастую, имеем дело с неприятием и с целым рядом суждений, которые делают саму возможность дискурса крайне затруднительной. Вы знаете, у нас сложилась такая ситуация, как в бывшем Советском Союзе, где диссидентам было сложно высказаться и сделать себя услышанными. Спасибо большое.

Маринэ Восканян: Хочу предоставить слово российскому коллеге Константину Черемных и попросить его тоже высказаться на данную тему.

Константин Черемных: На самом деле то, о чем говорил Джонатан, и то, о чем говорил господин Бло, соответственно во Франции и в США, действительно, очень похожие вещи. И это очень хорошо обобщил Борис в том плане, что, действительно, назывался 1968 год и некая тенденция, начинающаяся отсюда, когда, скажем так, одни принципы, которых придерживались, заменяются какими-то другими. Но есть разница между Штатами и Европой. Очень большая. Которая состоит в том, что ни господин Обама, ни госпожа Клинтон не называют себя социалистами. Они называют себя прогрессистами. Есть Center for American Progress – Организация, которая является идеологической структурой Демократической партии США. Они называют себя социалистической.

И, в принципе, прогрессизм – это, собственно, и есть то, что только что перечислил Хауке. Экологизм, раз; гендерная трансформация, два; антиклирикализм, обязательно. Очень специфически видят самоуправленчество. И, как такой тоже элемент рудиментарный, осколок такой от левой идеи, даже слова такого нет, если от русского, – это разоблачи́зм. Когда просто действуют организации типа CPI, собирается огромное количество данных о людях, у которых есть какие-то офшорные счета, пускай они небольшие. И это все оказывается пустым. Нашли и что?

Собственно и все. Из этого состоит это. Но, база у этого всего за счет огромных количества НПО и просто самодеятельных структур в США большая, и Клинтон победила с небольшим отрывом. В том числе, и из-за собственных ошибок. Там был такой пример, когда она потеряла в один деть 1,5 млн голосов профсоюзного актива, когда предложила включить эколога Тима Стаера в альянс в ТКПП. И семь популярных профсоюзов, именно производственных, просто в один день от нее отвернулись из-за одной фигуры, которая была для них неприемлема.

В Европе совершенно другое. Они исповедуют то же самое, но называют себя по-прежнему социалистами. Но в результате они оказываются в худшем положении, чем Демократическая партия в США. Очень простой пример. Сейчас в Европе нужно было что-то противопоставить Вилдерсу в Голландии. И что противопоставили? По идее, с ним должны были бороться социалисты, а кто боролся? Боролся Рютте. Возьмем Австрию. Что сделал Александр Ван дер Беллен, чтобы победить Хофера? Что, он пошел к

социалистам? Нет. Он пошел к Народной партии, пошел к иезуитам. Он одел национальную одежду австрийскую.

[00:55:14]

А социалисты где? На минуточку. В Социнтэрне 160 партий, из них 54 правящих. Вопрос: кто-нибудь когда-нибудь читал в «Википедии» биографию генерального секретаря Социнтэрна? Я думаю, что никто, потому что ее там нет. Ее нет там! Если вы наберете «Луис Айала» в «Википедии», вы найдете двух Луис Айала. Один из них теннисист, а другой бейсболист. Может быть, он просто ставит печати. Хорошо. Там есть председатель. Председатель, действительно, достаточно известная многим фигура, – Джордж Папандреу. Он председатель с 2006 года. С тех произошел мировой финансовый кризис, с тех произошел конкретный греческий кризис, и с тех пор произошел кризис беженцев.

Та партия, которую представлял господин Папандреу, является non entity. Она не релевантна. Ее нет. Тем не менее, этот господин с 2006 года в этом качестве восседает. Только что вице-президентом Социнтэрна избрали такого гражданина Молдавии и Румынии одновременно по имени Владимир Плахотнюк. У него еще есть какая-то румынская фамилия, я не помню. Но последний подвиг господина Плахотнюка, который вообще ни сам себя никогда социалистом не называл, никто его таковым не считал, причем у него есть репутация кукловода, так обычно называют в Молдавии, – кукловод. То есть не просто олигарх, а олигарх-манипулятор.

Левые, кстати говоря, имели отношения старые с коммунистической партией Молдовы, но не знаю, успели ли они заметить, что эта партия была благополучно фактически приватизирована господином Плахотнюком. Так теперь этот господин заключил контракт с американской компанией Frontera, которая будет в этой несчастной маленькой аграрной вино производящей Молдове, значит, треть этой территории будет исследовать в смысле нефти, газа и так далее. Это вопрос, на мой взгляд, не экологический. Это вопрос экономический.

А кто, интересно, будет защищать права тех, кто пострадает, если та мировая сила, Социнтэрн, которая, по идее, должна защищать права трудящихся, включила в себя в качестве вице-президента этого господина? Я закончу одной фразой. Когда я в школе был в классе политинформатором (была такая функция в пионерской организации), мы все знали имена Вилли Брандта, Улофе Пальме. Там не говорилось, что это наши великие друзья, но там было известно, что это очень крупные фигуры.

Я пытаюсь представить себя на том месте сейчас. Что бы я рассказывал про Бенуа Амона, да? Человек, который является педагогом и одновременно фанатом распространения марихуаны. Если спросить просто человека на улице в Москве, это как сочетание? Кто-то покажет вот так, что означает сразу, а кто-то скажет: этого человека надо посадить в тюрьму. Я думаю, что это даже не только в нашем обществе так. Я думаю, что если в Турции так же спросить, – то же самое скажут. Они стали не релевантны. И то, что они вошли в элиту, это еще полбеда. Они совершили другие, более страшные вещи.

Если говорить о самом большом и самом показательном грехе, это 2011 год и «арабская весна». Я просто напомню, что Хосни Мубарак и партия Хосни Мубарака, которую экспроприировали «Братья-мусульмане», прогрессивная демократическая партия Египта, входила в Социнтерн. Я не помню, чтобы кто-нибудь плакал по Мубараку из социалистических лидеров. Я помню зато, как плакали по Доминику Стросс-Кану, благодаря действиям которого в качестве главы Международного фонда, у египтян и тунисцев были отняты хлебные дотации. Что было одним из социальных толчков к «арабской весне». Но вот о нем эта публика плакала. И завершая, пытаюсь дать этому некую обобщенную оценку, я не могу не прийти к выводу о том, что эта публика заслужила того положения, в котором она сейчас находится.

[01:00:06]

Маринэ Восканян: Спасибо, Константин. Очень ваше такое эмоциональное, критичное выступление. Но если мы первый раунд прошли, понятно из этого только одно, что в кризисе находятся вообще все. И система координат меняется у всех, и у тех, кто представляет спектр консервативный, и у тех, кто представляет спектр левый, и, по всей видимости, всем нужно вырабатывать какую-то повестку, которая отвечала бы запросам людей сегодня. Отвечала бы на то, что люди хотят.

Потому что все то, о чем вы рассказали, каждый со своей стороны, говорит о том, что, к сожалению, сегодняшние какие-то институционализированные силы, они оторвались, в общем-то, от обществ, и особенно это касается, совершенно верно, как все отметили вот этих неолиберальных элит, для которых разные есть определения в разных языках. То есть это люди, которые, совершенно правильно у нас было сказано, выигрывают от глобализации. На всех остальных им совершенно наплевать. Причем неважно эти остальные – это левые, правые. Тем, кто сверху, им это глубоко безразлично. Они реализуют ту программу, которая выгодна только им.

И на фоне этого всего мы понимаем, что начали очень много говорить о России. Причем говорить о России стали парадоксальным образом. То ее называют каким-то новым спасителем консерватизма во всем мире. В то же время понятно, что левые движения по-прежнему пытаются увидеть в России все-таки, может быть, какой-то потенциальный источник какого-то нового проекта справедливости и так далее, потому что они по-прежнему верят в нее.

Я сама сталкивалась в Латинской Америке с совершенно парадоксальной ситуацией, когда люди узнают, что ты русский, они подходят к тебе, то есть это люди левые, это люди, у которых родители воевали с какими-то местными фашистами и так далее. И они говорят, что: «Вот мы надеемся только на вас». Я говорю: «Вы знаете, Россия больше не коммунистическая страна. У нас олигархи, у нас тоже неолиберализм, к сожалению, победил». Они говорят: «Но все равно мы верим, что вы что-то сможете сделать». И очень интересно, почему все вдруг стали смотреть на Россию и что-то ждут от нее.

Мы сами, здесь живя, более критично относимся и понимаем, что, наверно, мы сегодня явно не способны весь мир спасти, хотя все почему-то на это надеются. И я хотела бы спросить наших участников, а почему все так много стали говорить о России сегодня? Есть

ли у этого только конъюнктурные причины, ну, понятно, надо на кого-то свалить, кто виноват. Это понятное объяснение. Или, действительно, есть и какие-то все-таки более глубокие причины. Как вы думаете, коллеги? Давайте, мы тоже, может быть, начнем с вас, господин Брангш.

Лутц Брангш: Откровенно говоря, в Германии, я только могу говорить о Германии, и, может быть, немножко о Европейском союзе. Общественность не интенсивно говорит о России, и не думает, что там спасители проблем Евросоюза. Прежде всего, у нас говорят о России, как конкурент, можно сказать. И все, что происходит в политике, в политическом пространстве, это связано с тем, что, прежде всего, Европейский союз имеет свои интересы, что она решили в различных документах, что необходимо создать благоприятные условия благоприятной хорошей окружающей среды, чтобы быть лидером в экономическом плане. И все они делают по этому поводу.

Это значит, сохранение сырья, это стратегия, которая, конечно, затрагивает соотношения с Россией очень интенсивно. Сохранение пути общения и пути транспорта, прежде всего. И с этой точки зрения обсуждается вопрос роли России, конечно. И с этой точки зрения можно тоже понимать, почему Европейский союз, хотя тесные экономические связи с Россией были, решил бойкотировать, устроить санкции против России, связанные с Крымом и с Украиной.

[01:05:20]

Но общественность – это другая вещь. Например, если сейчас переносятся вооруженные силы на Восток, это предмет критики общественности. Говорят: «Почему? Зачем? Это ерунда, что Россия будет нападать на Эстонию». Люди понимают, что это не проблема. Поэтому, я думаю, что это очень важно, чтобы создать или сохранять, прежде всего, все культурные связи, все связи, чтобы узнать какие противоречия существуют здесь, в России, какие противоречия существуют в Европейском союзе, включая и критический вид на развитие в России, и развитие в Европейском союзе.

И таким образом включать русскую общественность в европейскую общественность. Значит, что такие формы кооперации не на уровне государства, но на уровне общественности изменяет взаимные виды картины, которые существуют в обществе.

Маринэ Восканян: Да, господин Брангш, пожалуйста, может быть, Керстин? Вы тогда начали уже говорить, что, к сожалению, на самом деле есть причины, по которым Россию воспринимают, в том числе негативно. И не могли бы вы сейчас эту мысль развить?

Керстин Кайзер: Я не буду повторять то, что Лутц сказал. Но мне кажется, что тут нужно смотреть и анализировать действительно, что знают люди о других странах. Может, они в Латинской Америке российскую реальность вообще не знают, что они не знают друг о друге, и что есть в политических интересах. То есть политические интересы сейчас уже описаны. Дело в том, что на самом деле в Германии, мне кажется, что большинство населения. Очень жаль, кстати, что не население Востока, потому что на Востоке люди имеют опыт, практику сотрудничества, дружбы и туризма уже с Россией. То есть с

Советским Союзом и с Россией. Там тоже нужно сказать, это уже не Советский Союз, дорогие люди, это тоже неолиберальное государство.

Но есть практика. Люди знают друг друга и поэтому они не всему верят. И поэтому на востоке Германии как раз сейчас очень сильные были протесты против перемещения американских и НАТО войск на восточную границу. Там даже среди левых есть большие противоречия в этом отношении. Но надо сказать, что в Германии, в общем, люди смотрят на Россию, во-первых, как на первого врага. Путин – это враг. Он символ конца просвещения, причем 86 или 85% российского населения голосуют за него, если мы верим опросам. И таким образом, если большинство населения голосует за Путина, значит вся Россия такая не просвещенная страна, не современная, авторитарная. То есть они поддерживают то, что связано с Путиным. Вот и все. Дело в том, что смотрят на Россию, как на страну, которая готова уже завоевать чужие территории. Как на страну консерватистскую.

[01:09:58]

Я хочу сказать, что путаница, Борис, что касается путаницы понятий. Я предлагаю, чтобы мы не сегодня, а в следующем раунде, действительно говорим о том, что мы понимаем под левым. Что такое левая политика. КПРФ для меня не левая партия. Что мы понимаем под словом социализм или солидарность. Что мы понимаем под консерватизмом. Потому что есть советский консерватизм, есть гэдээровский консерватизм, но есть и церковный консерватизм. То есть тут нельзя просто путать понятия.

Дело в том, что Россия, к сожалению, в данный момент играет эту политическую роль, ею пользуется. Есть политика двойных стандартов по отношению к России со стороны Европейского Союза. И моя критика, моя политическая критика, она относится и к тем властям, и к другим.

Маринэ Восканян: Спасибо, Керстин. И сейчас я хотела бы, чтобы в нашу дискуссию включилась спикер нашего круглого стола Каринэ Геворгян. Она востоковед. И я поэтому хотела, чтобы она сейчас выступила с трибуны о том, как Россию воспринимают на Востоке, потому что это совсем другая ситуация, чем та, о которой мы говорим, наши европейские коллеги. И я хотела бы Каринэ попросить высказаться. Поскольку вы на трибуне, вы должны нам рассказать что-то, о чем мы все, наверно, мало имеем представления, поскольку восточные регионы и то, как там относятся к России, для многих просто загадка и не очень это понятно, что там сейчас происходит.

Каринэ Геворгян: Прежде всего, мне хотелось бы сказать, что не только на Западе, но и на Востоке прекрасно понимают, что современный мир оказался в некоем кризисе экзистенциальности. И необходимы ответы. Понятно, что институты и инструменты устарели, и многие, кто называют себя консерваторами, используя библейскую метафору, пытаются влить молодое вино в старые мехи. То есть использовать старые инструменты для того, чтобы решить ситуацию, для которой они не созданы. Они не приспособлены, эти инструменты, для решения нынешнего кризиса.

Теперь вот что бы мне хотелось сказать абсолютно конкретно. Что касается обобщенного Востока. Я не буду ничего говорить ни о Китае, ни об Индии. Я только скажу о странах исламского региона, хотя понятно, что мусульмане есть и в Китае, и в Индии, и вокруг. Я буду говорить больше об арабском мире и о том, конфликте, который на сегодняшний день стал актуальным. И в некотором роде, он стал оселком, то есть тема Алеппо и Мосула, имидж России, и так далее, и тому подобное, так вот отточие делаю сейчас.

Понятно, что исламский экстремизм имеет разные формы, в том числе враждующие формы. Я имею в виду иранский фундаментализм и, скажем, тот фундаментализм, если это можно так назвать, потому что здесь очень сложно с терминами так называемого «Исламского государства». Понятно, что они жестоко враждебны. И вот почему я их обозначаю первыми. Потому что «Исламское государство» – это глобалистский проект. Это глобализация а-ля ислам. А иранский проект – это проект суверенного государства.

Теперь об имидже России. У России имидж государства, вернее, он так складывается, скорее, именно в этом регионе, и именно в Иране Россия воспринимается как союзник в борьбе за суверенность. Такая конкретика. То есть современный мир, с моей точки зрения, придя к неким пределам глобализации, создав кризис экзистенциальности и кризис управляемости, переходит к почти классической геополитике. Поэтому в связи с этим столь ожесточенная борьба на Ближнем Востоке и понятно, что от геополитики будет зависеть и геоэкономика и так далее. И так конкретно на земле эти вопросы решаются.

[01:14:57]

Теперь что касается перспектив таких активных исламистских движений. Глобалистское крыло, если можно так выразиться, этих исламистских движений, оно тоже многосоставно. Я сейчас очень условно: вот есть «Исламское государство», есть «Братья-мусульмане». И те, и другие имеют реваншистские настроения, прямо касающиеся Европы. Поэтому понятно, смотрите возрастной состав так называемых беженцев. Это, в основном, молодые мужчины. И если мы возьмем по Германии, где всего-навсего 5 млн молодежи до 25 лет, я имею в виду, то вы увидите, что миллион молодых мужчин-мусульман, и, естественно, 2,5 млн юношей и приблизительно 2,5 млн девушек, – вот вам ФРГ. Германия. И при этом миллион этих умеющих стрелять, убивать, идеологически нацеленных.

Да, понятно, что кто-то из них когда-то читал замечательный, конечно, труд Эдварда Саида «Ориентализм». Они в этом смысле живут вполне реваншистскими настроениями и считают, (я так тоже округленно) что пора пришла, наконец, осуществить этот реванш по отношению к Европе, которая когда-то колонизировала эти страны. Эта идея имеется. Имеется противоположная позиция, как я уже сказала. Она в большей степени обозначена Ираном, который медленно, ему и так трудно, потому что действует Иран в одиночку, отстаивает свой суверенитет, с одной стороны. С другой стороны, усиливает вокруг себя зону безопасности и именно поэтому так и действует в Сирии. В этом смысле Россия для таких, как Иран, будет становиться союзником.

Если глобалистские идеи пойдут на убыль. А с моей точки зрения они приступают сейчас к «плану Б», то есть к этому реваншистскому плану, к созданию сетевых ячеек, которые будут действовать в разных концах земного шара, а не только локально на Ближнем Востоке, в Сирии и в Ираке. Они как раз оттуда потихонечку уйдут. Они уйдут еще и в Африку, кстати. В ближайшее время, я думаю, что можно ожидать таких локальных обострений в Африке.

Пожалуй, я сказала все. Просто, мне кажется, основные реперные точки я обозначила. То есть Россия является страной, отстаивающей идею суверенности. Может быть, это не совсем так. Надо сказать, что да, в Иране была негативная реакция, очень разная реакция на ситуацию, связанную с Крымом. В том числе, иранцы тоже критиковали Россию, и называли это аннексией, с одной стороны. С другой стороны, это укрепило иранский политикум, а там достаточно живая политическая мысль, и они много, в том числе устраивают ток-шоу, и существуют разные точки зрения. В стране есть политическая жизнь. Политическая ткань достаточно разнообразна. Тем не менее, они поняли, что тем самым Россия укрепляет свой суверенитет, соответственно, идет по этому пути, в качестве убедительности. Даже при критичном отношении.

Маринэ Восканян: Каринэ, я могу задать один маленький дополнительный вопрос? Вы затронули такую тему неоднозначную по поводу беженцев. Все-таки, мне кажется, что когда говорим о том, что, безусловно, с ними вместе в Европу попадает и много экстремистов, но все-таки мы должны понимать, что главная причина того, что идут эти миграционные потоки, – это то, как неолиберальная система вообще прошла по Ближнему Востоку и полностью там разрушила систему стабильности. И теперь понятно, что эта молодежь, кто-то будет поглощен этими экстремистами, кто-то просто будет убегать, потому что хоть куда-нибудь от войны убежать. То есть были созданы условия для того, чтобы теперь из-за этого явления Европе дестабилизировалась.

Каринэ Геворгян: Маринэ, есть описательная социология, а есть статистическая. Я на статистическую не могу опираться. В данном случае это описательная социология, потому что в некоторых странах Европы, таких, как Бельгия, Франция, Германия, я была и разговаривала, в том числе с мусульманами. Я понимаю их настроения. У меня создалось впечатление, что та часть мусульман, которые сохраняют свою религиозную идентичность, но при этом жестко, надо сказать, негативно относятся к исламу и терроризму, такие, действительно, есть. Это не поза, это не лицемерие, это не попытка обмануть, нет. Более того, они опасаются, что именно они станут разменной монетой в случае обострения ситуации. И они только об этом и говорят. Но их немного.

[01:20:02]

Их очень немного. Они, действительно, укоренены, они интегрированы, сохраняя свою идентичность, они прекрасно интегрированы при этом в местные сообщества. И видна их тревога. Они считают, что они падут первыми, условно говоря, под ударами этих ребят. Они гораздо больше, как ни странно, опасаются действий этих самых исламистов.

Эти же ребята, поверьте, они приезжают уже подготовленные. И все эти беженцы приезжают. Они по ходу даже продвижения, понимаете, подвергаются идейной обработке. Здесь не надо питать никаких иллюзий на эту тему.

Маринэ Восканян: Хорошо, Каринэ, спасибо вам большое за ваше выступление.

Каринэ Геворгян: Спасибо.

Маринэ Восканян: Я чувствую, у Бориса есть желание высказаться. Давайте тогда, Борис, если у вас есть комментарий, и продолжите тему.

Борис Кагарлицкий: Я позволю себе комментарий. Во-первых, на Ближнем Востоке, я не знаю, просто могу сказать, что я думаю, что на весь Ближний Восток вообще не найдется миллиона активных исламистов именно как, так сказать, боевиков. Просто их столько нет. Учитывая тех, которые еще воюют реально и участвуют в событиях. Вообще-то на самом деле я тоже в той же Франции, Бельгии постоянно общаюсь, как раз преимущественно общаюсь именно с арабами, и могу сказать, что, во-первых, подавляющее большинство из них вообще не интересуются этими темами. Их интересует работа, их интересует жилье, их интересует спасение от войны, тех, кто приехали из Ближнего Востока относительно недавно. Это первое.

Второе. Есть очень большой процент людей, которые бегут от исламистов. Они конкретно бегут от исламистов. И если они будут с кем-то бороться, они будут бороться как раз за сохранение светского общества против исламистов. И третий момент, что, действительно, значительная часть людей, которая бежит в Западную Европу сейчас, вообще не с Ближнего Востока. Простите меня, это афганцы, это пакистанцы, и это те самые люди, которые при других обстоятельствах поехали бы на работу в Саудовскую Аравию. Но поскольку там сейчас заработка нет, а можно на халяву пристроиться в Западную Европу, они бегут туда. Но вообще они просто даже из другого региона и там все вообще про другое.

Каринэ Геворгян: Я прошу прощения, Афганистан это, абсолютно не будут с этим спорить. Самые разные люди мне встречались. Афганистан это Средний Восток по нашей российской системе научной. Но что касается большинства. Вы понимаете, активная часть, вот этот актив, о котором я говорила, он гораздо эффективнее будет действовать, и вовлекать тех самых умеренных или даже тех, кто никогда не задумывался ни о каких экстремистских взглядах, в свои сообщества. Более того, они их, если можно так выразиться, покупают самыми разными способами, в том числе, и экономическими. Они зазывают их в свои сообщества, и человек становится зависимым от них. Поверьте. Эти люди будут действовать системно. И то, что их мало, не означает, что они будут эффективны.

Маринэ Восканян: Коллеги, давайте мы вернемся. Это отдельная, очень сложная тема, на которую требуется, я думаю, даже не одно такое заседание, как наше, чтобы полноценно ее обсудить. Давайте тогда вернемся к вопросу об имидже России. Как Россия в восприятии граждан, элит разных стран, то есть разных уровней общества в этих странах, как воспринимается. Я бы хотела дать слово господину Бло, чтобы он, может быть, нам

рассказал, как воспринимают Россию во Франции разные, может быть, политические силы и разные какие-то слои общества.

Иван Бло: Что сказать? Политические партии, господин Меланшон, и «Национальный фронт», это наши левые. Конечно же, они за более тесное отношение с Россией. И они выступают за снятие санкций. В Республиканской партии среди правых и центристов есть размежевание, потому что там есть у нас голлисты и либералы. Я бы сказал, что голлисты, скорее, за Россию, нежели правые. В центре левого фронта собрались люди, в большинстве своем, выступающие против России, потому что они за укрепление торговых связей с Америкой. Социалистическая партия во Франции финансируется ЦРУ и Америкой. Финансировалась, по крайней мере, во время «холодной войны». И у них образовались прочные связи между американскими либералами и французскими социалистами.

[01:25:02]

Таким образом, можно сказать, что в президентских выборах есть кандидаты, у которых есть шансы быть избранными. Есть Фийон, и Марин Ле Пен, которые выступают за более тесные отношения с Россией. И есть Макрон, проамериканский кандидат. И даже Макрон, в качестве примера, он был приглашен на диалог про Россию. Независимая ассоциация организовывала этот диалог, и он не захотел пойти туда, потому что, как он сказал, Россия его вовсе не интересуется. Вот и все наши политические партии.

А что касается мотивации, я бы сказал, что многих интересуется Россия, потому что они являются поклонниками Америки, и Россия их интересуется с этой точки зрения, что рассматривается как враг, или сила, противостоящая Америке. Или люди, которые поддерживают Россию, и, следовательно, интересуются Америкой, как ее оппонентом. То есть такие сквозные интересы возникают.

И последнее, что хочу сказать на этот счет. Некоторые люди, особенно молодежь, для них Россия – это такая традиционно консервативная страна с авторитарным оттенком. Но им это нравится. Они думают, что Франция – страна, которая живет в полной анархии, беспорядка, с демонстрациями на улицах, с высоким уровнем преступности. И такие люди говорят: в России-то гораздо лучше с этим дела обстоят. Люди более старшего поколения так не думают. Они часто еще имеют воспоминания со времен СССР, и для них это плохой имидж, унаследованный от Советского Союза.

Маринэ Восканян: ... В Америке, конечно, я думаю, что все понимают, что речь идет о неолиберальных американских элитах, а вовсе не обо всей Америке. И поэтому я хочу дать слово господину Тенненбауму, чтобы он объяснил, почему тема России сегодня просто не сходит вообще со страниц американских газет. Люди теряют места в Конгрессе. То есть там происходит что-то неопишное, причем именно потому, что кто-то где-то поговорил с российским послом, или, ездил в Россию. Что это происходит, Джонатан, объясните нам, пожалуйста.

Джонатан Тенненбаум: Я думаю, что у России сейчас очень привилегированная выгодная позиция в США, потому что она является такой горячей темой для всех. Хочу сказать, что

большой вопрос для движения Сандерса. Будет ли он пытаться трансформировать Демократическую партию, или создаст новую партию. Но это немного связано с Россией, потому что господин Орбан сказал, когда обсуждал это движение Сандерса, он сказал: «Россия? Вау!» И не потому, что у людей ужасающее впечатление о России. Но если Сандерс свяжется с Россией, это будет конец, потому что истерия в США, я соглашусь с моими коллегами, мы никогда не испытывали ничего подобного за всю нашу жизнь.

Маринэ Восканян: ... «Холодной войны»?

Джонатан Тенненбаум: «Холодная война» это было не так-то плохо. Там качество этого противостояния было другое. Но не было ненависти по отношению к Советскому Союзу как таковому. Мы понимали, что это противник. Но противник совершенно иного качества. А сегодня мы видим настоящую паранойю. Самое близкое по сравнению – это период Маккарти, когда под каждым столом прятался коммунист, и его искали. И шла такая охота на ведьм. Даже в семейном кругу ты с подозрением смотрел на лица: «Может быть, бабушка моя тайная коммунистка», – думали все члены семьи.

И это, в основном, было не из-за страны, а из-за коммунистического движения, которое в то время имело, действительно, обширную базу. И, конечно же, в период Маккарти это был такой политический флёр. Но, сегодня мы можем сказать, что некоторые представители Демократической партии стали неоконсерваторами. Они проводят эти невероятные кампании.

[01:30:02]

С одной стороны, вы скажете: «Почему?» Я скажу, что все немного сложно. С одной стороны, время, когда это все началось. Когда произошли утечки информации об эмейлах в июле. В этих эмейлах совершенно четко было сказано многое. Среди прочего, было сказано, что DNC, то есть социальная организация Демократической партии, которая должна была бы быть нейтральной, во время праймериз работала со СМИ и даже говорила им какие заголовки ставить на статьи, чтобы разрушить кампанию Сандерса.

И эта российская история возникла через три дня после этого. Назовем ее российской кампанией. Она начиналась тогда и набирала силу. С одной стороны, она оттягивала на себя внимание от содержания этих эмейлов. Это с одной стороны. Есть другой аспект, который касается разведывательных органов США и сектора обороны, потому что там идет настоящая война между различными органами и фракциями. Это период вообще был очень сложным в США, и там разворачивалась настоящая баталия, масштабы которой раньше мы не знали.

Поэтому Россия в этом во всем отражалась в рамках борьбы за институциональную власть. И не потому, что проблема была в самой России, а потому что это был удобный повод для использования. Это произошло, потому что одна фракция говорила: «Нам нужна Россия, мы сами не можем справиться ни с Ираном, ни с Ближним Востоком в одиночку». И об этом говорили очень многие из сектора обороны. В том числе и советники Трампа, люди, находящиеся вокруг него, которые были в Афганистане, и знают, что это значит на деле. То есть, некоторые говорили, что Россия нам нужна.

И в другой части политического спектра, где превалируют изоляционистские настроения, говорили, что мы не можем тратить все наши деньги на выстраивание отношений с Россией. Другая группа говорила, что наша большая проблема – это Китай, на нем надо концентрироваться. Наварро, которого Трамп назначил главой Государственной торговой ассоциации, написал книгу, антикоммунистическую книгу против Китая, где он показывает американский флаг и руку китайца, который пронзает ножом этот флаг.

Что касается имиджа России, главная проблема в США в том, что люди не знают Россию. Некоторые говорят, что их в принципе все устраивает. И некоторые республиканцы, например, говорят, что Путин – настоящий лидер. Он защищает интересы своей страны. Он нападает на политкорректность, это суперстар, человек, которого очень любят телевидение и СМИ.

Заканчивая, хочу сказать, что все очень сложно. Я знаю, что среди республиканцев консерваторы считают Путина кем-то вроде героя. А для молодежи левого толка, люди, например, которые знают о Russia Today, очень популярном телеканале в США. И есть истерия по поводу этого телеканала в США, потому что в Russia Today перешли очень многие диссиденты из американских левых. Они работают с журналистами, интервьюерами в Russia Today. И туда же перешли бывшие работники разведки, обороны, такие, как Флинн. И они нещадно критикуют американцев. Поэтому сам этот факт и Russia Today поменяли имиджи восприятия России. Я думаю, все это очень сложно. И лучше было бы, конечно же, чтобы американцы узнали, что на самом деле из себя представляет Россия.

[01:35:05]

Маринэ Восканян: Сейчас мы закончим этот раунд, и еще дам всем по минуте на обобщающее. Пожалуйста, Хауке.

Хауке Ритц: Я полагаю, что такая русская истерия, российская истерия по всему миру имеет отношение к культуре. Если обратиться к XIX веку, в то время Россия была честью европейской культуры. Она разделяла все европейские течения философов, литературы, революционные течения. Это все происходило с участием России, Испании, Франции и остальных европейских стран. Во время «холодной войны» произошло размежевание. И последние 50-70 лет мы видим, что Западная Европа изменилась под влиянием «холодной войны».

Таким образом, логика «холодной войны» повлияла на устройство. Считается, что она во многом изменила восприятие прошлого и для Западной Европы прошлое уже не так значимо. Мы все помним Вторую мировую войну, но все, что дальше от нас по времени, чем Вторая мировая, уже не играет большой роли в политическом дискурсе. И в этих обстоятельствах мы вдруг видим такое явление, когда Россия начинает представлять из себя символ более старой Европы, на которую еще не так сильно влияли США. Европа, которая не была переделана под либеральной повесткой.

По мере того, как глобализация продолжается, и в рамках глобализации Западный мир пытается навязать свой порядок остальным странам. Так, например, Восточная Европа,

которая не так американизирована, как Западная, вдруг сама по себе становится проблематичной. Она ставит под вопрос монополию западной культуры. Я думаю, что именно отчасти из-за этого Россию очень часто обвиняют СМИ в ее политике. Пытаются ее дискредитировать в профилактических целях, чтобы Россия не могла претендовать на наследие европейской культуры и использовать это как мягкую силу.

Маринэ Восканян: Спасибо. И я сейчас хотела бы попросить наших российских коллег Бориса и Константина, пожалуйста, если можно, ваше мнение по имиджу России, но, уже включая обобщение, чтобы мы завершали.

Борис Кагарлицкий: Очень постараюсь коротко. То, что говорилось, мне напомнило давний разговор с одной моей итальянской знакомой, которая про русскую культуру говорила: «Ой, вы еще живете в XIX веке». А я услышал это и сказал: «А может быть, это не так уж и плохо?» В культурном отношении не такой уж плохой был век XIX для нас всех в Европе. Так вот, очень коротко. Во-первых, мне показалось очень важным то, что сказал Лутц по поводу того, что движение Евросоюза на Восток это, конечно, борьба за ресурсы. И это, конечно, борьба за ресурсы. И тут есть совершенно материальная основа. Можно долго говорить про всякие культурные ценности и всякие такие дела. На самом деле, это, конечно, база ресурсов.

Но, важное обстоятельство. Вот это движение на Восток за ресурсами Востока для Евросоюза принципиально важно для того, чтобы он смог сохранить свою нынешнюю неолиберальную архитектуру. И в этом смысле поражение Евросоюза на Востоке, в том числе на Украине, это не вопрос российско-евросоюзных, или российско-украинских отношений. Это в значительной мере вопрос, который будет определять дальнейшее развитие ситуации в Евросоюзе, как таковом. Даже вне зависимости того, что произойдет в России. Это первое, очень важное.

Второе. Отсюда вытекающий момент, что, действительно, тема злой России становится абсолютно фундаментальным моментом для всех, кто объединяется на неолиберальном консерватизме. То есть на попытке сохранить неолиберальный статус-кво любой ценой на левом или правом фланге, не важно. Но с другой стороны, тут к плохим новостям. До сих пор, все это были еще хорошие новости. Плохая новость состоит в том, что, действительно, на Россию начинают многие смотреть, как на страну, которая принесет избавление или спасение от неолиберализма. И это, простите меня, плохая новость, потому что это неправда. Но, теперь опять хорошая новость. Она состоит в том, что при этом объективно у России есть потенциал для того, чтобы стать страной, которая сыграет очень большую роль в преобразовании Европы и мира. Но, последнее, для этого она должна радикально измениться изнутри.

[01:40:12]

Маринэ Восканян: Константин, Я прошу вас тоже очень коротко по имиджу России, пожалуйста.

Константин Черемных: Да. Когда на Трампа наезжает вся публика по поводу России, и на его команду, по поводу России, так или иначе, когда крутится тема России и так далее, в

основном, расчет делается на том, чтобы травмировать его психологию бизнесмена. Вот такое среднее представление о Трампе, оно все-таки исходит из того, что это человек, который именно склонен к сделкам, и у него это мышление преобладает, с расчетом на то, чтобы Россия для него стала обременением. Чтобы он, как бизнесмен, воспринимал ее как обременение.

Маринэ Восканян: Как актив, от которого надо избавляться.

Константин Черемных: Совершенно верно. Но, я бы сказал, что наветы разнообразные на членов команды Трампа, на самого Трампа, на детей Трампа и их супругов, Россияей не исчерпывались. Есть уже версия, например, китайской коррупции, что не зря Трамп договорился о встрече с Сиф Маралаго, потому что, Джаред Кушнер продал этот самый большой дом №666 близ Манхэттена китайской компании. И это не единственный сюжет, их несколько. Есть другие сюжеты, где мишенью нападок является Стив Бэннон, который вообще не касается при этом никак России. Сотрудники Стива Бэннона, например, Себастьян Гор, которые тоже России никак не касаются, и так далее.

На самом деле, там очень много разных таких способов подергать. И расчет, конечно, не только на то, что он сделает просто неправильный шаг, но и просто человек физически не справится. Он человек не молодой, и если без конца капать в одно и то же, может что-нибудь как-то и со здоровьем произойти. Тема 25 поправки пункт 4 уже обсуждалась несколько раз. Это о недееспособности и замене, соответственно, на вице-президента и так далее. Это буквально последние дни.

То, что образ России при этом искажается, все те, кто об этом пишет, прекрасно знают. И вряд ли они рассчитывают на то, что публика не знает. Есть другие источники. Кто-то верит, кто-то нет. Но кто-то что-то отработывает. Для этого есть поводы, да, действительно, связанные с разведкой. И я бы тут заметил два момента, два совпадения. Нападки на Флинна начались 14 декабря. Начал их Джон Бэннон. Он сказал следующее: «Господин Флинн плохо обращается с информацией, неосторожно обращается с информацией, которая касается Афганистана». На тот момент еще никаких связей не было.

Второе совпадение. 4 марта, это одна и та же дата. 4 марта господин Макмастер, который стал вместо Флинна главой СНБ, беседовал по телефону с президентом Афганистана. Именно в этот день было официально сказано, что совместной борьбы Соединенных Штатов с Россией против ИГИЛ пока не предусмотрено. Этот вопрос откладывается. Штаты, насколько я понимаю, не учли очень многих вещей, действительно, в восточном, в исламском мире.

Они не заметили такую вещь. Как бы казалось, вот рухнул Советский Союз, и вместе с ним рухнуло то, что было левыми силами в Египте, во всех исламских странах. Тут сейчас оказывается, что с тех пор связи остались. И они значимы. И в Афганистане в том числе. И, действительно, условно говоря, это сообщество, оно не знает, что с этим делать.

[01:44:58]

Маринэ Восканян: Спасибо. Мы по имиджу России закончили наш раунд, и сейчас я предлагаю буквально очень коротко. Если кто-то хочет что-то добавить еще в качестве маленького комментария, можно высказаться, и я потом попробую подвести итоги. Есть у нас желающие, коллеги? Да, Керстин, пожалуйста.

Керстин Кайзер: У меня желание, чтобы отношения между Россией и Германией, Европейским союзом и Россией вышли из тупика. Для этого нужно преодолеть определенного рода безграмотность, что касается знаний населения друг о друге, и к этому нам нужно просто внести свой вклад. Мне кажется, что надо закончить эту спираль санкций, контрсанкций, и ограничений, и враждебных каких-то высказываний. Но как раз мероприятия, как это, может что-то добавить именно к этому, может вести к тому, что мы, действительно, идем обратно и выйдем из этой спирали. Но это уже не задание только одной страны, или одной стороны. Это уже есть, действительно, важная задача просвещения и информации вместо работы СМИ.

Маринэ Восканян: Коллеги, еще кто-то хочет? Джонатан, прошу.

Джонатан Тенненбаум: К вопросу о Берни Сандерсе. Мне кажется, что основной вопрос для левых, если вообще имеет смысл пользоваться термином «левые» в сегодняшнем мире. Это в первую очередь, сражаться, скажем, с потерей или утратой качества дискуссии. Мы, к сожалению, тупеем. И вот это фундаментальная проблема. Интеллектуальная мощь, которая была присуща, уходит из левого дискурса, об этом следует помнить. Именно с этим мы должны пытаться бороться. Для левых, в частности, важно понимать, интересуют их в первую очередь идеология, или некие идеологические понятия и стратегии, или все-таки жизнь и попытки улучшить жизнь людей. Что важнее для левых. Это выбор, который предстоит сделать. И мне кажется, что в случае господина Сандерса этот выбор был сделан, и он был сделан верно, с точки зрения социал-демократических позиций. Но при этом нельзя отрицать, что его мотивирует, конечно же, ситуация в США.

Маринэ Восканян: Коллеги, еще кто-то хотел бы? Есть желающие? Мистер Бло, пожалуйста.

Иван Бло: Мне бы хотелось выразить согласие со словами господина Теннебаума. Я совершенно с этим согласен.

Маринэ Восканян: Спасибо. Хорошо. Давайте тогда вы, Борис.

Борис Кагарлицкий: Все-таки я дорвался до микрофона. Знаете, уже самое главное было сказано, но я еще раз повторю, главный тезис мой состоит в том, что все должны измениться. Мы говорили, что России, для того, чтобы сыграть ту роль, которую она может сыграть в мире, должна радикально измениться. Но и левые, если они хотят какую-то роль играть в политической жизни, должны радикально измениться. Проблема в том, что левые, и особенно левые интеллектуальные элиты сами себя блокируют. Вернее, левые интеллектуальные элиты блокируют любую попытку обновления движения.

Характерный пример – это то, как, например, социалистическая партия Нидерландов (не социал-демократы, не «Партия труда», а социалистическая партия, более левая), приняла

очень серьезный документ по миграции. Документ аналитический, никоим образом не выступавший против миграции. Но который фиксировал реальные проблемы, связанные с миграцией, который фиксировал реальный эффект на рынке труда, имевший место. Тут же посыпалась просто волна обвинений в расизме, ненависти к иммигрантам и так далее. То есть фактически была подавлена дискуссия.

[01:50:03]

С Оскаром Лафонтеном и Сарой Вагенкнехт в Германии происходит примерно то же самое. И тут я скажу, как патриот, как ни парадоксально, в России дискуссия еще не задавлена. Вот это наша маленькое преимущество.

Маринэ Восканян: Будем надеяться.

Борис Кагарлицкий: Наше преимущество опоздавших. Может быть, мы не политкорректны, но зато, по крайней мере, мы открыто дискутируем. Спасибо.

Маринэ Восканян: Хауке, пожалуйста, вы и будем завершать.

Хауке Ритц: Мне кажется, что нам нужно говорить о том, что вторая «холодная война» гораздо опаснее первой «холодной войны». И мне представляется, что раскол в Европе и в том числе раскол, который приводит, или может привести к изоляции, или взаимной изоляции России, Белоруссии и Европы, к сожалению, может попросту привести к концу европейской цивилизации. И у Европы есть будущее, только если мы эту проблему разрешим.

Маринэ Восканян: Разрешите мне подвести некоторые итоги нашей дискуссии. По крайней мере, из того, что было сказано, можно сделать вывод, что, действительно, видимо, всем придется меняться, потому что вызовы, с которыми сталкиваемся мы сегодня, на них нужно искать какие-то новые ответы. И попытки удержаться жестко в тех системах координат, которые были, они не позволят это сделать. И именно поэтому мы видим такие парадоксальные вещи, примеры которых сегодня приводилось, когда уже все смешалось – и правые, и левые, за кого голосуют рабочие и так далее. Это первое.

Второе, как мне кажется, здесь я тоже поддерживаю то, что сказал Джонатан. Я считаю, это крайне важным. Вообще одно из самых ужасных, что происходит вещей в ходе нашей информационной войны, или то, что мы видим в информационной сфере, это какая-то чудовищная примитивизация дискуссии, то, что совершенно невозможно обсуждать спокойно на экспертном уровне какие-то вопросы. То есть начинается сразу навешивание каких-то ярлыков. Как только если человек что-то говорит, что не соответствует некому такому, что другая сторона считает правильным, то тут же на него навешивается ярлык какой-то.

Мы в России тоже это очень хорошо видим у нас внутри страны, в том числе тоже. И в этом смысле хотелось бы пожелать, чтобы были какие-то мероприятия, на которых можно было бы это обсуждать, действительно, просто спокойно, не тыкая друг в друга, значит, кто фашист, кто коммунист, кто демократ, либерал. А просто спокойно пытаться понять вообще, что с нами со всеми происходит.

И говоря об имидже России в мире, я тоже согласна с тем, что сказал Борис, что, к сожалению, на нас такие разные возлагают надежды круги в мире, что просто страшно. То есть Каринэ нам сказала, что, да, там, на Востоке, люди думают, что мы им поможем защитить свой суверенитет. Какие-то консервативные силы надеются, что Россия возродит какой-то консерватизм, который, может быть, они о нем мечтают, хотя он, может быть, не очень возможен. Левые тоже, может быть, ждут, что Россия что-то предложит, хотя Россия, действительно, это оплот вообще неолиберализма олигархического, по факту, если брать экономику. Тем не менее, шанс, наверно, этого есть, если Россия изменится. Каринэ, вы хотели тоже реплику? Пожалуйста.

Каринэ Геворгян: Знаете, все мы рискуем оказаться в роли Меркуцио, умереть с фразой на устах «Чума на оба ваших дома». Потому что такое впечатление, что да, это усиливается. И в том числе, слава Богу, кстати, усиливается Маринэ, и на Ближнем Востоке. То есть более дифференцированное понимание ситуации возникает. Я об этом не сказала, просто воспользовалась тем, чтобы сказать. Спасибо.

Маринэ Восканян: Я полностью с этим согласна, что чем больше людей поймет, что эти попытки информационной войны друг против друга, и этой радикализации самого информационного пространства, попытки друг друга все время называть какими-то врагами, это путь очень нехороший. И Хауке сказал, что у него может быть совершенно какая-то плохая перспектива перехода даже уже из информационной сферы в какую-то практическую.

[01:55:04]

Не дай Бог, нам это увидеть, но мы видим, что, например, на Украине началась настоящая война в центре Европы, значит, к сожалению, это не невозможное, то есть последствия могут быть самыми плохими. Поэтому нам всем хочется пожелать и далее развивать какую-то взвешенную аналитическую дискуссию, пытаться понять, как нам улучшить жизнь. И, наверно, вместе побороть тот, какой-то неолиберальный проект, который разрушает жизнь обществ, в которых мы живем, независимо от того, в какой мы стране находимся.

Спасибо большое. И благодарю наших участников за их содержательные выступления. Большое спасибо.

[01:55:51] [Конец записи.]